

УДК 94(470)"1929/1930"

Оригинальная научная статья

EDN DFUWKН

РЕАЛИЗАЦИЯ УКАЗАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СУХИНИЧСКОМ ОКРУГЕ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ РСФСР В 1929–1930 ГГ.

О. И. Иевлева^{ID}Н. О. Майорова^{ID}

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Калужский филиал
Адрес: 248021, Россия, г. Калуга, ул. Окружная, д. 4, корп. 3

Поступила
в редакцию
29.07.2025

Поступила
после
рецензирования
21.02.2026

Принята
к публикации
25.03.2026

Аннотация. Цель исследования – выявить конкретные механизмы и последствия реализации директив центральной власти в ходе коллективизации сельского хозяйства в Сухиничском округе Западной области РСФСР в 1929–1930 гг. Авторы стремятся проследить, как общие установки трансформировались на местах и что определяло конечный результат этой политики.

Проблема. В статье рассматриваются противоречия между жёсткими и зачастую завышенными планами центра и реальными возможностями их исполнения на низовом уровне. Поднимается вопрос о том, как дефицит компетентных кадров, административное давление и идеологическое рвение порождали произвол и насилие, искажая саму суть предполагаемых преобразований.

Методология. Работа основана на микроисторическом подходе. Используется метод сравнительно-сопоставительного анализа по цепочке «центр – округ – район – деревня». Метод критического анализа ведомственной отчётности позволяет отделить декларируемые показатели от реальной практики. Метод количественного анализа используется для обработки данных о темпах коллективизации и раскулачивания.

Новизна. Важность исследования видится в детальном рассмотрении трансформации политики коллективизации на примере одного административного округа. Уделяется внимание не только фактам злоупотребления властью, но и таким аспектам, как кадровая проблема, роль двадцатипятидесятников и результаты партийной чистки, которые в совокупности формировали локальную специфику.

Перспективы исследования. Дальнейшие исследования связаны с возможностью сравнительного анализа опыта Сухиничского округа и других регионов Западной области и страны в целом в исследуемый период. Представляется, что подобные микроисторические изыскания позволяют лучше понять природу и механизмы функционирования административной системы в один из самых драматичных периодов советской истории.

Результаты. Указания центра, дублируемые окружными властями, на практике подвергались значительному искажению. Показано, что стремление к ускоренным темпам и перевыполнению планов любой ценой приводило к перегибам, особенно в ходе раскулачивания. Авторы приходят к выводу о том, что ключевыми препятствиями стали не только излишнее рвение, но и кадровая некомпетентность на местах, а также нежелание учитывать реальное положение дел. Даже такие меры, как направление рабочих-двадцатипятидесятников, часто не давали эффекта из-за плохой их организации и неподготовленности.

Ключевые слова: коллективизация, Сухиничский округ, раскулачивание, кадры, микроистория, реализация директив, массовые движения

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Иевлева, О. И., Майорова, Н. О. Реализация указаний центральной власти в период коллективизации в Сухиничском округе Западной области РСФСР в 1929–1930 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2026. – Том 15. – № 1. – С. 10–27. – EDN DFUWKН.

© Иевлева О. И., Майорова Н. О., 2026

Original article

EDN DFUWKN

IMPLEMENTATION OF THE INSTRUCTIONS OF THE CENTRAL GOVERNMENT DURING THE PERIOD OF COLLECTIVIZATION IN THE SUKHINICHI DISTRICT OF THE WESTERN REGION OF THE RSFSR IN 1929-1930

O. I. Ievleva

N. O. Mayorova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaluga Branch
Address: 4, Okruzhnaya St., building 3, Kaluga, 248021, Russian Federation

Received
29.07.2025

Revised
21.02.2026

Accepted
25.03.2026

Abstract. *The purpose of the study is to identify specific mechanisms and consequences of the implementation of the directives of the central government during the collectivization of agriculture in the Sukhinichi district of the Western region of the RSFSR in 1929-1930. The authors aim to trace how common attitudes have transformed on the ground and what determined the end result of this policy.*

Problem. *The article examines the contradictions between the rigid and often overstated plans of the center and the real possibilities of their implementation at the grassroots level. The question is raised about how the shortage of competent personnel, administrative pressure and ideological zeal gave rise to arbitrariness and violence, distorting the very essence of the proposed transformations.*

Methodology. *The work is based on a micro-historical approach. The method of comparative analysis along the chain "center – district – region – village" is used. The method of critical analysis of departmental reporting allows to separate the declared indicators from the actual practice. The quantitative analysis method is used to process data on the rates of collectivization and dispossession.*

Novelty. *The importance of the study is seen in a detailed examination of the transformation of collectivization policy using the example of one administrative district. Attention is paid not only to the facts of abuse of power, but also to such aspects as the personnel problem, the role of twenty-five thousand people and the results of the party purge, which formed local specifics.*

Research perspectives. *Further research is related to the possibility of a comparative analysis of the experience of the Sukhinichi district and other regions of the Western region and the country as a whole during the study period. It seems that such micro-historical research allows to better understand the nature and mechanisms of the functioning of the administrative system during one of the most dramatic periods of Soviet history.*

Results. *The instructions of the center, duplicated by the district authorities, were significantly distorted in practice. It is shown that the desire for accelerated pace and over-fulfillment of plans at any cost led to excesses, especially during the dispossession. The authors conclude that the key obstacles were not only excessive zeal, but also personnel incompetence on the ground, as well as unwillingness to take into account the real state of affairs. Even measures such as sending workers of twenty-five thousand often had no effect due to the poor organization of their work and lack of preparation.*

Keywords: *collectivization, Sukhinichi district, dispossession, cadres, microhistory, implementation of directives, mass movements*

Funding: *This study was performed without external funding.*

For citations: *Ievleva, O. I. & Mayorova N. O. (2026) Implementation of the Instructions of the Central Government during the Period of Collectivization in the Sukhinichi District of the Western Region of the RSFSR in 1929-1930. Journal of Public and Municipal Administration. Vol. 15, no. 1. p. 10–27. EDN DFUWKN.*

© Ievleva O. I., Mayorova N. O., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения реализации указаний центральной власти в период коллективизации в Сухиничском округе Западной области РСФСР в 1929–1930 годах обусловлена целым рядом факторов, находящихся на пересечении исторической науки и современных общественно-политических дискуссий. Прежде всего, этот локальный сюжет позволяет выйти на принципиально важный уровень осмысления механизмов функционирования тоталитарной системы в её переломный момент. Исследование того, как директивы преломлялись на конкретной практике, даёт понимание социальных процессов, развёрнутых сталинским руководством.

Особую значимость теме придаёт её микроисторический ракурс. В современной историографии давно назрела необходимость отказаться от изучения общих, усреднённых и обезличенных процессов. Именно обращение к конкретному региону – Сухиничскому округу – позволяет с максимальной точностью реконструировать реальные практики взаимодействия центра и периферии. Можно проследить, как партийные лозунги о сплошной коллективизации трансформировались в конкретные действия местных чиновников, бюрократическую переписку и статистические отчёты.

Хронологические рамки исследования – 1929–1930 годы – охватывают наиболее драматичный этап «великого перелома», когда форсированные темпы создания колхозов привели к массовым эксцессам, раскулачиванию и ответному протесту крестьянства. Сухиничский округ в этом смысле представляет собой уникальную территорию. Здесь, как показывают архивные материалы, с особой остротой проявились ключевые противоречия эпохи: кадровый голод на местах, неспособность новых административных структур справиться с поставленными задачами.

Кроме того, обращение к этой теме продиктовано состоянием современной историографии. Долгое время история коллективизации изучалась либо в масштабах всей страны, либо на примере крупных регионов – зерновых зон Украины, Северного Кавказа, Поволжья. Нечерноземные области, в частности территория Западной области РСФСР, оставались на периферии исследовательского внимания. Восполнение этой лакуны является насущной научной задачей, позволяющей создать более полную и объективную картину аграрной катастрофы начала 1930-х годов. Тем более ценно, что в последние годы в научный оборот введены значительные массивы архивных документов по Сухиничскому округу, хранящиеся в Государственном архиве документов новейшей истории Калужской области, что создает прочную источниковую базу для новых обобщений.

Исследование механизмов реализации директивной политики на локальном уровне сохраняет свою непреходящую общественную актуальность. Оно позволяет понять природу бюрократического управления, соотношение принуждения и убеждения, роль местных элит и рядовых исполнителей в осуществлении масштабных государственных проектов. Исторический опыт коллективизации в Сухиничском округе – это наглядный урок того, как административный нажим и пренебрежение к реальным интересам крестьянства порождают не только трагедию миллионов людей, но и долговременные экономические и социальные деформации, последствия которых ощущались десятилетиями.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Постановка проблемы исследования обусловлена необходимостью преодоления сохраняющегося разрыва между макроисторическим изучением аграрной политики Советского государства и микроисторическим анализом её воплощения на уровне конкретных административно-территориальных единиц. Традиционно в исторической науке процессы коллективизации и сопровождавшей их административно-территориальной реформы рассматриваются параллельно, без должного акцента на их пересечении и взаимовлиянии. Между тем детальное изучение этого пересечения открывает возможность понять, каким образом общегосударственные директивы

трансформировались в конкретные действия на местах и какие факторы определяли специфику этой трансформации. Ключевая исследовательская проблема заключается в выявлении степени самостоятельности и роли окружных властей как промежуточного звена между центром и районом в проведении политики сплошной коллективизации. Как показывают документальные материалы, уже в 1928 году перед властями создаваемых округов была поставлена общая задача проведения в жизнь декретов, постановлений и распоряжений вышестоящих партийных и советских органов в деревне, а в 1929 году эта задача была конкретизирована до проведения коллективизации и ускорения ее темпов (Иевлева, 2018, С.117). Возникает закономерный вопрос: насколько окружные власти выступали лишь пассивными проводниками центральной воли и в какой мере они обладали возможностью корректировать, интерпретировать или даже исказить получаемые указания под влиянием местных условий?

Особую остроту проблеме придаёт тот факт, что именно на 1929–1930 гг. приходится пик массовой коллективизации и раскулачивания, сопровождавшийся значительными социальными потрясениями и административными перегибами, ответственность за которые в официальной историографии советского периода традиционно возлагалась на местные органы власти. Современное научное осмысление требует преодоления этой упрощенной схемы и выявления реального механизма взаимодействия центра и периферии. Необходимо установить, в какой мере перегибы были следствием излишнего рвения местных властей, стремления перевыполнить спущенные сверху планы, а в какой – результатом объективных трудностей реализации недостаточно проработанных директив в конкретных социально-экономических условиях¹.

Сухиничский округ Западной области представляет в этом контексте особый исследовательский интерес. Как отмечается в специальной литературе, на общем фоне среди других округов Западной области он обладает более выгодной источниковой базой, позволяющей воссоздать объективную картину событий, происходивших в деревне в начале 1930-х гг. (Иевлева, 2018, С. 121). Сохранившиеся документы Сухиничского окружного комитета ВКП(б), включая протоколы заседаний, переписку с центром, отчеты о ходе коллективизации и раскулачивания, дают уникальную возможность проследить механизм принятия и реализации решений на всех уровнях – от окружного до районного и сельского. Существенным аспектом проблемы выступает также временной фактор: исследуемый период охватывает не только фазу форсированной коллективизации, но и момент корректировки политического курса весной 1930 года, связанный с известной статьей И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Реакция местных властей на этот «весенний вектор» в политике центра, их способность быстро перестраивать риторику и практические действия, соотношение реальных изменений и косметических корректив – всё это требует тщательного анализа и позволяет судить о глубине проникновения центральных установок в ткань местного управления (Баутин, 2010, С. 5). Проблемный характер исследуемой темы связан с необходимостью изучения обратной связи – восприятия населением и местным руководством партийных и советских органов мероприятий по проведению политики коллективизации. Без анализа противодействия крестьянского населения, форм протеста, адаптационных стратегий и их учета (или игнорирования) властными структурами картина реализации указаний центра остается неполной и односторонней. Таким образом, постановка проблемы в заявленном ключе позволяет выйти на новый уровень понимания механизмов функционирования советской политической системы в один из наиболее драматичных периодов ее истории.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Степень разработанности темы характеризуется существенной неравномерно-

¹ Федеров, В. Командная игра. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/7090> (дата обращения: 25.12.2025).

стью. Историография проблемы прошла длительный путь развития, отражая смену методологических парадигм и политической конъюнктуры. Как справедливо отмечает Е. Н. Кананерова в своем исследовании советской историографии послевоенной коллективизации, изучение и критическое осмысление советской исторической науки дает возможность использования наследия советских ученых для формирования современных объективных научных знаний (Кананерова, 2024, С. 269). Применительно к заявленной теме это наблюдение приобретает особое значение, поскольку позволяет проследить эволюцию подходов к изучению механизмов взаимодействия центра и регионов в переломные моменты аграрной истории.

В советский период проблематика коллективизации разрабатывалась в русле официальной идеологической парадигмы, что накладывало существенные ограничения на исследовательские возможности. Как показывают историографические исследования, темы, связанные с нарушениями при коллективизации и раскулачивании, оставались табуированными вплоть до перестройки, когда изменение политической конъюнктуры дало возможность историкам приступить к изучению прежде запрещенных сюжетов (Кананерова, 2024, С. 270). Именно это стало началом разрушения советской исторической парадигмы и открыло путь к более объективному анализу аграрных преобразований.

Качественно новый этап в изучении коллективизации связан с деятельностью научной школы В. П. Данилова, сложившейся в постсоветской исторической науке. Фундаментальные труды самого В. П. Данилова, а также Н. А. Ивницкого, В. Н. Земскова и других исследователей заложили основы современного понимания процессов коллективизации и раскулачивания, ввели в научный оборот огромный пласт ранее недоступных архивных документов (Иевлева, 2016, С. 77). Работы этих авторов создали необходимую теоретико-методологическую базу для перехода от макроисторического изучения аграрной политики к микроисторическому анализу ее реализации на уровне конкретных административно-территориальных единиц.

Применительно непосредственно к Сухиничскому округу следует констатировать, что данная проблематика долгое время оставалась на периферии исследовательского внимания. Традиционно историческая наука изучала административно-территориальную реформу 1929 года и процессы коллективизации 1930 года параллельно, не акцентируя внимания на их пересечении (Иевлева, 2018, С. 89). Между тем именно это пересечение дает ключ к пониманию механизмов реализации центральных указаний на местах.

Ситуация существенно изменилась в последние годы благодаря современным исследованиям, которые в ряде работ произвели детальный анализ практики коллективизации и раскулачивания в Сухиничском округе. Публикации, включая статьи в рецензируемых журналах, раскрывают особенности кадровой политики, темпы коллективизации, методы административного давления и формы крестьянского сопротивления на материалах данного округа. Исследовательница справедливо отмечает, что именно на общем фоне среди других округов Западной области Сухиничский обладает более выгодной источниковой базой, позволяющей воссоздать объективную картину событий, происходивших в деревне в начале 1930-х гг.

Вместе с тем применительно к заявленной теме сохраняется ряд недостаточно разработанных аспектов. Требуется углубленного анализа вопрос о степени самостоятельности окружных властей как промежуточного звена между центром и районом, о механизмах трансформации общегосударственных директив в конкретные действия на местах, о факторах, определявших специфику этой трансформации. Важным представляется изучение обратной связи – восприятия населением и местным руководством мероприятий по проведению политики коллективизации (Кабытова, 2017, С. 217). Без анализа противодействия крестьянского населения, форм протеста, адаптационных стратегий и их учета (или игнорирования) властными структурами картина реализации указаний центра остается неполной (Merl, 2017). Существенный

вклад в понимание общих механизмов взаимодействия центра и регионов вносят работы зарубежных исследователей. Ирландский историк-советолог Джералд Истер, анализируя систему личных связей и самоидентификацию элиты в Советской России, показывает, что администрирование в СССР было в значительной степени персонафицировано и опиралось на неформальные элитные группы (Федеров, 2023). По мысли исследователя, переплетение формальной и неформальной структур резко расширило возможности советской власти, но оно же и ограничивало самовластие московского центра. Именно в годы коллективизации возник конфликт между центром и руководителями провинциальных партийных комитетов как дискуссия по поводу темпов и методов организации колхозов и размеров обязательных поставок хлеба государству. Эта теоретическая модель может быть продуктивно применена при анализе ситуации в Сухиничском округе (Федеров, 2023). Таким образом, степень разработанности темы можно охарактеризовать как создавшую необходимые предпосылки для проведения специального исследования. Общие вопросы коллективизации освещены в фундаментальных трудах, региональная специфика раскрыта в работах по Сухиничскому округу, однако комплексный анализ механизмов реализации указаний центральной власти с учетом всех факторов – кадрового состава, административного давления, крестьянского сопротивления, корректировки политического курса – требует дальнейшего углублённого изучения на основе привлечения максимально широкого круга архивных источников.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

В работе над статьей авторы использовали историко-системный и историко-сравнительный методы; руководствовались принципами историзма, объективности и конкретности. В основу нашей статьи легли архивные материалы, фиксирующие процесс коллективизации в Сухиничском округе Западной области РСФСР в 1930 году. Местом их хранения являются Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) и Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Материалы представляют собой протоколы собраний, отчеты окружных, районных и местных руководителей, жалобы в органы управления разных уровней и т. д. В них подчас сохраняется живая лексика, полная эмоциональной выразительности и значимых деталей. Важность этих источников трудно переоценить.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сухиничский округ появился на карте СССР в результате административно-территориальной реформы 1929 года. Тогда была ликвидирована в числе других Калужская губерния, а ее территория распределена между двумя округами: Калужским и Сухиничским. В состав Сухиничского округа вошли Бярятинский, Думиничский, Мещовский, Козельский, Мосальский, Павлиновский, Спас-Деменский, Сухиничский, Юхновский, Плохинский и Восточный районы¹. Все они относились к категории незерновых.

Понятно, что основное внимание центрального руководства было направлено на коллективизацию в зерновых районах, откуда ожидался основной приток сельскохозяйственной продукции. Для тех, кто не относился к их числу, был заявлен чуть менее жёсткий темп: согласно постановлению ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года коллективизацию в незерновых регионах следовало завершить к осени 1931 года, в крайнем случае – к весне тридцать второго. Но власти Сухиничского округа решили пойти дальше, решив завершить коллективизацию к весне 1930 года. Это была именно местная инициатива, никаких особых указаний центра не было. Тем не менее появление такой инициативы было понятно. Не только на Калужской земле в те годы ощу-

¹ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П.91. Оп. 1. Д. 93. Л. 44.

шалась гонка на опережение. И темпы этой гонки на каждой властной ступени – сверху донизу – неизбежно ускорялись. Что здесь играло роль в первую очередь: энтузиазм строителей нового мира, желание получить блага от начальства, угодив ему, или страх перед репрессиями, а может и всё сразу?

Итак, решение было принято, но как воплотить его в жизнь? Ведь к концу 1929 года коллективизация затронула всего 1,5 % крестьянских хозяйств округа¹, поэтому к весне предстояло объединить в колхозы оставшиеся 98,5 %, что было очевидно невыполнимо. Осознав ситуацию, окружные власти немного отступили. К весне 1930 года было решено объединить только 60 % хозяйств, остальные – к осени. Конечно, и такие темпы всё равно оставались слишком высокими, но их местные власти снижать уже не собирались.

Так или иначе, процесс двинулся, и к 20 февраля 1930 года задача сплошной коллективизации в округе была выполнена в целом на 30 %². Во всяком случае так сообщается в отчётных документах окружного статистического комитета, а именно в «Сводке по коллективизации на 20 февраля 1930 года»³. Среди особо передовых районов указывались Козельский, Спас-Деменский, Плохинский, Сухиничский Мещовский, Барятинский. Там процент коллективизации достигал 40 % и даже 50 %.

Приводятся в сводке и более впечатляющие цифры. Так, к первому июня окружными властями планировалось создать 615 колхозов, объединив в них 40 760 крестьянских хозяйств. На практике, как сообщает сводка, уже к концу февраля колхозов было 613, а крестьянских хозяйств, которые в них вошли, – 34 438. То есть план, составленный на полгода, оказался почти целиком выполнен за полтора месяца.

Можно ли поверить в такой невероятный темп? И если да, как его добивались?

Архивные материалы дают ответ. Начало колхозного движения было встречено крестьянами по-разному. Многие, в первую очередь бедняки, воодушевились. Вот что заявлял на собрании в 1929 году середняк Козлов из Вяльцевского уезда: *«Великое дело рекомендует партия и правительство крестьянскому сельскому хозяйству... пусть уйдут колеблющие элементы из нашего колхоза, но развалить его не дадим... в ближайшее время все опомнятся»*. Бывшие бедняки-единоличники из колхоза Дружная Деревня говорили приехавшему из Москвы агитатору: *«Ты нас не агитируй, сами глаза имеем, что колхоз лучше единоличного хозяйства»* (Иевлева, 2016, С. 194).

Но так считали далеко не все. Значительная часть крестьян воспринимала коллективизацию как нечто чуждое, как насилие над вековыми традициями и образом жизни. В информационной записке *«О настроении крестьянства Сухиничского округа в октябре»* 1929 года приводятся такие, например, разговоры: *«Советская власть привела крестьян к гибели... Советская власть откупается за хлеб от папы Римского и от войны, а крестьян и рабочих с голоду морят... Крестьянский ограбленный хлеб в Китай отправляют, а нас с голоду морят...»* Словом, как говорится в той же записке, *«единоличник крайне обостренно выступал при докладах и беседах и костил советскую власть вовсю»* (Иевлева, 2017, С. 194).

Очень характерна в этом смысле листовка, найденная 27 февраля 1930 года в деревне Сомь Толстовского сельсовета Павлиновского района висящей на стене дома. В ней крестьян убеждали не вступать в колхоз, потому что жизнь в колхозе будет плохая и всех, кто вступит, ждет голодная смерть. Ведь советская власть – антихристова, она скоро падет, и хорошая жизнь наступит только для тех, кто ей не поддастся⁴. Такого рода агитация была далеко не единичной и вполне могла привести к развалу колхозов. Как это было, например, в соседнем Калужском округе, в деревнях Новоселезаново и Тимофеевке⁵, где инициаторами недовольства выступали женщины, ор-

¹ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 93. Л. 35.

² ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 4. Д. 3. Л. 34.

³ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 68. Л. 39.

⁴ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 74. Л. 82.

⁵ ГАДНИКО. Ф. П. 61. Оп. 2. Д. 11. Л. 106.

ганизовывавшие подпольные собрания и собиравшие подписи за выход из колхозов

В документах ГАДНИКО содержится немало сведений о массовых выступлениях (прежде всего женщин) и в Сухиничском округе¹. Крестьяне жаловались, что их обманом или силой записывают в колхозы. Так, например, в Барятинском райисполкоме с 21 по 25 февраля 1930 года побывало около тысячи таких жалобщиков². Созывали сельские сходы с требованиями распустить колхозы и прекратить за них агитировать³. Дело доходило даже до поджогов и нападений на активистов. Кажется, колхозная жизнь была явно не тем, с чем жители сел и деревень хотели бы связать свое будущее. Т. е. здесь мы видим неумение или (и) нежелание организаторов вникать в настроения крестьян, со знанием дела доказывать преимущества колхозного строя, тем более в обстановке, когда создавать колхозы требовалось практически мгновенно. Видимо, им казалось проще и эффективнее действовать *обманом или силой*. Но такие методы не могли не привести к новым протестам. Коллективные хозяйства кое-как сколачивались и вскоре опять распадались из-за активного нежелания крестьян в них состоять. Таким образом, ситуация оказывалась вдвойне сложной. С одной стороны, нереалистичные сроки коллективизации, которых требовал окружком, а с другой – явный недостаток подготовленных кадров. И в округе, и в районах, и на местах нужны были люди, с одной стороны, не только идейные, но и образованные, а с другой – не понаслышке знающие деревню, не пренебрегающие ее нуждами и традициями, умеющие говорить с крестьянами на одном языке.

Причины кадровых проблем понятны. Советское государство было еще совсем молодым. Среди управленцев разного уровня было немало тех, кто прекрасно справлялся в революционном подполье, в суровых условиях военного коммунизма и на фронтах Гражданской войны. И не все из них были готовы принять то, что для мирного созидания революционного энтузиазма и партийного рвения категорически мало.

Проблемы эти осознавались центральным руководством и решались методом простым и быстрым, всё в том же революционном духе – при помощи партийных чисток. Такая чистка была проведена, в частности, в Западной области осенью 1929 года. Тогда из рядов партии было изгнано, а соответственно, и уволено с должностей 775 человек (35,9 % всего областного аппарата)⁴. Причина увольнений, которая чаще всего указывалась в документах, – неспособность к управленческой работе. Взамен по возможности подбирались люди, опыт такой работы имеющие. Приобретали они его чаще всего в комсомоле или на должностях пониже. Так, Петр Андреевич Овчинников пришел на должность ответственного секретаря ОК ВКП(б) из Фокино-Володарского района Брянского округа, где работал секретарем райкома⁵. Василий Тарасович Белозерский, назначенный председателем окружной контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции, ранее занимал управленческую должность в г. Рославле⁶. Борис Григорьевич Окунь пришел в окружком партии из комсомола, с должности секретаря Сухиничского волостного комитета ВЛКСМ⁷. Целый ряд работников пришёл в окружком с партийных и управленческих должностей, упраздненных в связи с ликвидацией Калужской губернии: А. С. Федотов, Г. М. Канареев, П. Я. Плюшкин,

¹ О проверке практики коллективизации и исправления перегибов в Сухиничском округе Западной области / Сельский мир: Альманах / под ред. И.А. Шипова, А.Б. Жильцова. – М., 1994. – С. 54–55.

² Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.

³ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 74. Л. 82.

⁴ Справка Информационного отдела ОГПУ о перегибах в ходе коллективизации в Московской области по материалам на 19 марта 1930 г. и приложения к ней. 19 марта 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти томах / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 2.: ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 321–329.

⁵ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 51. Л. 52, 62, 63; Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 119. Л. 36.

⁶ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 51. Л. 51, 62, 63.

⁷ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 51. Л. 3 об., 82; Ф. П. 91. Оп. 2. Д. 14. Л. 2, 4, 9; Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

Г. К. Кузнецов и другие (Иевлева, 2017, С. 55). Новые управленцы, для многих из которых партийная чистка стала средством вертикальной мобильности, не могли не понимать, что с ними легко может случиться то же, что с их предшественниками. К тому же наверняка они или, по крайней мере, многие из них были идейными коммунистами и комсомольцами, считавшими воплощение планов партии делом жизни. Т. е. речь идёт не о подготовке по-настоящему компетентных кадров, а о перетасовке имеющих, в результате чего энтузиазм и рвение только росли, а знаний не прибавлялось. Именно эти руководители, стремясь как можно быстрее и лучше выполнить указания центра, как раз и приняли решение форсировать темпы коллективизации. Решение это, как мы видим, в итоге привело к резкому обострению ситуации на селе. Когда пришло время разбираться в причинах обострения, было заявлено, что дело не в этом. Так, по мнению представителя Мещовского района, выступившего на второй партийной конференции Сухиничского округа 25 мая 1930 года, виноваты были люди, а именно отдельные *головотяпы*¹. Искали этих *головотяпов* на разных уровнях. Районные руководители, не без оснований опасавшиеся, что окажутся в поиске виноватых крайними, активно взялись обвинять окружком и даже партийное руководство Западной области. «Нет четкости в даваемых директивах, – говорил представитель Барятинского райкома, – в силу чего эти директивы на местах иногда игнорируются и не выполняются. В темпах коллективизации повинны окружные организации, не сдерживали своевременно низовых работников». По мнению секретаря Плохинского райкома Семкина, «в высоких темпах коллективизации виноват не только окружной комитет, но и обком» (Иевлева, 2018, С. 38).

Со своей стороны, окружком обвинял в первую очередь именно низовых исполнителей. Ещё 16 февраля 1930 года, т. е. до выхода статьи Сталина (о которой пойдет речь ниже), заместитель начальника окружного отделения ОГПУ Мартвель, говоря о массовых выступлениях женщин в Думиничском районе, назвал эту ситуацию *следствием головотяпства местных работников*².

Речь, по всей видимости, шла об исполнителях в селах и деревнях, которые, получив указания райкомов и окружкома, обязаны были сделать всё, чтобы начальство могло вовремя отчитаться перед центром о выдающихся успехах. Конечно, ими двигало не только это. Наверняка большинство исполнителей, как и окружное руководство, всецело поддерживало решения партии и трудилось не за страх, а за совесть. Так или иначе, это были работники, на которых падала основная тяжесть решения насущных задач, от которых в конечном счете всё и зависело.

Но можно ли считать их квалификацию достаточно высокой? Едва ли. Ссылки на *головотяпов*, понятно, возникали не на пустом месте. Большею частью это были местные активисты без опыта работы с людьми, а часто и без какого-либо образования, вооруженные стремлением к социальной справедливости в том виде, в каком они ее понимали. То, как выглядела их деятельность, мы можем увидеть на примере раскулачивания, которое проводилось в округе наряду с созданием колхозов.

Теоретически комиссии и бригады по раскулачиванию должны были руководствоваться секретным постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое хотя и содержало жесткие формулировки, всё же ограничивало произвол исполнителей. На практике же под раскулачивание попадали подчас и середняки, и даже бедняки по причине погони за высокими показателями, по личным мотивам, наговору соседей и т. д. Конфисковывалось у раскулаченных всё вплоть до шапок и белья. Так было, например, в селе Ольхи Юхновского района, где несколько семей, в том числе и бедняцких, лишили прав, а потом с руганью, угрожая оружием, забрали у них не только дома и скот, но и одежду, белье, полотенца, обувь, посуду, цветы, скрипки, гармошки, стаканы, вилки... В селах Барятинского, Спас-Деменского и других районов отбирали

¹ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

² ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 74. Л. 56.

детские игрушки, горячую кашу в котелке, молоко в крынке, иконы, которые разбивали и выбрасывали (Иевлева, 2016, С. 7–15).

Отношение к церкви и верующим особенно характерно. Политика воинствующего атеизма, проводимая партией и государством, в исполнении местных активистов подчас превращалась в разудалое глумление. Так, например, в селе Хотьково Думиничского района после закрытия церкви и снятия колоколов один из активистов разгромил алтарь и выпил освященное вино, предназначенное для причастия. В другой церкви (село Ново-Успенское Юхновского района) были устроены танцы, веселые участники которых надели рясы и, размахивая кадилами, пошли гулять по селу. Добрались до кладбища, надругались над прахом похороненных там бывших помещиков... Подобных случаев, увы, было немало¹.

И опять-таки очевидно, что далеко не все злоупотребления можно объяснить только произволом местных активистов. Здесь, как и в решении о форсировании темпов коллективизации, мы видим инициативу прежде всего окружных руководителей, стремившихся во что бы то ни стало повысить показатели своих достижений. Так, в протоколе заседания Сухиничской областной тройки по ликвидации кулацких хозяйств читаем: «Заседание просит областную тройку об увеличении ориентировочной цифры об изъятии кулачества I и II категорий по Сухиничскому округу, доведя её от 600 человек до 900 человек»². И это притом что эти цифры однажды уже были увеличены с 500 до 600. Интересно, что на областном уровне повторное увеличение показало чрезмерным, и там его не одобрили.

При всей сложности взаимоотношений зажиточных, не слишком зажиточных и бедных крестьян в конкретных деревнях и селах раскулачивание в том виде, в каком оно проводилось, у многих вызывало протест, заставляя усомниться не только в компетентности исполнителей, но и в правильности партийной политики в целом. Высказываясь, люди подчас проявляли большую грамотность и широту мышления, чем руководители, как, например, житель Горянского поселка У. Панфилов: «Кулаков не надо грабить, а надо дать ему развиваться, он пользу дает государству. Бухарин и Рыков были правы в проведении своей линии. Мы согласны дать бедноте, поселкам 10 лошадей, пусть идут в колхозы, а нам не мешают»³. Или крестьяне из Холмищенской кооперации, которые не упускали случая, чтобы «промыть кости советской власти: рабочий работает 5 часов, оттого и товаров нет в кооперации, колхозы развалились, землю взяли, а не засеяли, вольную торговлю закрыли, а у самих нет ни черта»⁴.

Понятно, что с такими настроениями никто не собирался считаться. Раскулачивание было необходимым условием коллективизации, реквизированное имущество кулаков должно было стать основой материальной базы колхозов, крестьянину-единоличнику, привязанному к своему хозяйству, неизбежно предстояло превратиться в коллективиста. Но чтобы пройти этот путь успешно и по возможности без потерь, требовалось всё то же условие – подготовленные кадры.

Их не хватало ни на местах, ни в районах, откуда, как говорилось выше, часть сотрудников была переведена в окружные структуры. Теперь уже из округа посылали людей в районы, чтобы навести порядок. В архивных документах отмечены многочисленные случаи, когда представители окружных властей временно занимали руководящие должности в районах с целью решения кадрового вопроса⁵. Но заменить собою низовых исполнителей окружные руководители, конечно, не могли. Да и если бы заменили, едва ли это, как мы видим, очень помогло бы делу. Таким образом, перед людьми, не обладающими необходимыми навыками, ставились задачи, с которыми

¹ ГАКО. Ф. П. 1183. Прокурор Сухиничского округа Западной области (г. Сухиничи Западной области). Оп. 1. Д. 18.

² ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

³ ГАДНИКО. Ф. П. 864. Оп. 1. Д. 16. Л. 58.

⁴ ГАДНИКО. Ф. П. 864. Оп. 1. Д. 16. Л. 59.

⁵ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 4. Д. 2. Л. 14–14 об.

могли бы справиться, наверно, только специалисты очень высокого уровня. Но где же было взять таких специалистов?

Крестьянство в принципе рассматривалось большевиками как класс не вполне надежный, зараженный, в отличие от пролетариата, частнособственническим инстинктом. *Перевоспитывать* следовало не только рядовых сельчан, подлежащих объединению в колхозы, но и сельских активистов, которые не могли эффективно обеспечить это объединение в силу своей классовой ограниченности. К пролетариату партийное руководство и обратилось. Решение о том, чтобы направить в деревню двадцать пять тысяч *лучших представителей* рабочего класса, было принято на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 года¹. На деле *двадцатипятидесятитысячников* оказалось более двадцати семи тысяч. Это были в основном рабочие с заводов, а также партийно-хозяйственные работники и студенты. На селе они должны были стать председателями колхозов или их заместителями, членами правлений или возглавить отдельные отрасли колхозной работы. Так говорилось в секретном постановлении от 15 января 1930 года, которое секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович адресовал партийным органам республик, краев, областей и округов². Понятно, что горожане, хоть среди них и могли быть выходцы из деревни, в массе своей не очень хорошо были знакомы с сельскими реалиями. Их типичным представителем можно назвать Дмитрия Батова, о котором рассказывала в 1980 году калужская областная газета *Знамя*³. Уроженец Сосницкой волости Юхновского района, он был рабочим знаменитого завода, который сейчас называется Кировским, а тогда именовался *Красный Путиловец*. Оттуда его и направили на *новый хлебный фронт*. Перед отъездом ему пришлось, как он выразился, *подучиться* на специальных курсах, которые были организованы для *двадцатипятидесятитысячников* при Ленинградском политехническом институте. Безусловно, такие курсы лучше, чем ничего, но могли ли они дать глубокие и конкретные знания социальных проблем в деревне, расстановки сил, крестьянской психологии? Впрочем, всего этого от *двадцатипятидесятитысячников*, в общем-то, и не требовалось (Коробейников, 2017, С. 34). Их ждали на селе именно как людей со стороны, свободных от местных связей и пристрастий. А главное, как носителей коммунистической идеологии, которым точно известен правильный путь.

27 января Сухиничский окружком партии получил инструкцию из обкома, как принимать посланцев рабочего класса. Согласно ей в первую очередь надлежало провести совещание, на котором сотрудники окружкома и райкомов должны были познакомиться с новоприбывшими с экономическим и политическим положением как в округе, так и в колхозах, где тем предстояло трудиться. Следующая задача – обеспечить приезжих квартирами. Наконец, через месяц следовало проверить, *освоились ли товарищи*⁴. В округе посланцев пролетариата действительно ждали. Когда к концу февраля они еще не прибыли, секретарь окружкома П. А. Овчинников отправил телеграмму в Центральную шефскую комиссию, где писал: *«Нужда нашего округа в соответствующем шефстве чрезвычайно велика. Округ чрезвычайно отсталый. Чрезвычайно большой недостаток в руководящих кадрах»*⁵. В марте 1930 года приехали 82 человека из Ярославля (город входил тогда в состав Ивановской области, которая осуществляла шефство над Сухиничским округом). В основном это были рабочие-текстильщики, хотя имелись представители и других производств, например обувной и махорочной фабрик, механического комбината, а еще железнодорожники и рабочие с судовой верфи⁶. Едва ли их руки не были нужны на их прежних местах работы. Сам факт такой моби-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под ред. А.П. Егорова. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 4: 1926–1929 гг.

² ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 92. Л. 37.

³ Дмитрий Батов – 25-тысячник // *Знамя*. 1980. 3 июля.

⁴ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 77. Л. 5.

⁵ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 4. Д. 3. Л. 105.

⁶ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 4. Д. 3. Л. 85–86.

лизации позволяет судить об огромной важности, которая придавалась успеху колхозного движения (Штефан, 2020, С. 111).

Вместе с мобилизованными из самого округа количество рабочего десанта составило 96 человек. В архивных документах сохранились имена и должности многих из них. Например, председателями колхозов стали С. Паромов (колхоз *Вяльцево*), И. Пашутин (*Дружная Деревня*), Ф. Карабасов (коммуна *Красный Октябрь*), В. Никитин (*Новая Деревня*) и др. П. Фадеева и С. Герасимов заняли должности заместителей председателей, соответственно, колхоза *Красный Маяк* и сельскохозяйственной артели *Новый Путь*¹.

Значительная часть этих работников действительно вписалась в колхозную жизнь и делала всё, что могла, для её укрепления. Но, увы, так было не со всеми. Уже вскоре после прибытия двенадцать из 96 покинули округ (Иевлева, 2016, С. 63). Уезжали рабочие и позднее. Сухиничскому окружному пришлось выяснять причины и направлять в Ярославль отчёт.

Основная причина оказалась проста. Так необходимые, горячо ожидаемые посланцы из города столкнулись с недостатком нормальных условий для работы и жизни, которые, согласно инструкции, им должны были обеспечить на местах. Например, почти не проводились совещания, на которых рабочих могли ввести в курс дела и оказать, если нужно, практическую помощь (на уровне округа такое совещание состоялось всего один раз за всё время работы *двадцатипяти тысячников*)². Зарплату, которая рабочим полагалась от колхозов и от направивших их предприятий, могли не платить по два-три месяца. Одному рабочему, приехавшему в Мещовский район и напрасно прождавшему зарплату, пришлось продать последнее пальто, чтобы выбраться оттуда домой в Ярославль. Продуктами снабжали плохо, а иногда и вовсе отказывали, ссылаясь на отсутствие сведений о вновь прибывших (как было, например, в Думиничском районе). Квартир, бывало, не давали вовсе. В том же Думиничском районе рабочему Андрианову пришлось стать пастухом, чтобы иметь возможность ночевать и питаться по крестьянским дворам. А рабочий Куликов из колхоза *Красное знамя* в Павлиновском районе квартиру хоть и получил, но плохую, к тому же в четырех километрах от места работы (Иевлева, 2016, С. 63).

Едва ли местные руководители поступали так с новоприбывшими по злему умыслу. Во-первых, как мы уже выяснили, их собственной подготовки часто было недостаточно для какой бы то ни было эффективной работы. А во-вторых, им просто было не до того. Хватало забот с посевной, и главное, нужно было изо всех сил поднимать темпы коллективизации, которые снизились сначала из-за протестов, а потом просто-таки катастрофически – в связи со знаменитой статьёй И. В. Сталина «Головокружение от успехов»³. В этой статье, как известно, жестко критиковалось чрезмерное рвение при проведении коллективизации и раскулачивания, т. е. те самые *перегибы головоотяпов*, на которые руководство Сухиничского округа жаловалось еще в феврале в связи с крестьянскими протестами.

Интересно, что отношение к этой статье на местах было неоднозначным. Некоторые низовые работники рассмотрели в ней обесценивание своих трудов: работали, старались, а она всё испортила. «Если у нас головокружение, – говорил, выступая в Вязовенском сельсовете, беспартийный Бученков, – то у Сталина совсем забесилась голова, сам давал указания, а потом обвинять начинает, «головки» приезжали, сами в колхоз насильно загоняли, а мы виноваты остались»⁴. По мнению многих, теперь стало можно и вовсе обойтись без коллективизации. Как заявили на собрании члены колхоза *Вяльцево*, статья Сталина дала право коммунистам выходить из колхоза⁵.

¹ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 4. Д. 3. Л. 202.

² ГАНИСО. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 40.

³ Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Правда. 1930. 2 марта.

⁴ ГАНИСО. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 314. Л. 10.

⁵ ГАНИСО. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 314. Л. 56.

На деле, конечно, это было далеко не так. И прежних директив никто не отменял. Перед окружным руководством встала задача, в корне противоречивая: обеспечивать высокий темп коллективизации и одновременно бороться с *перегибами*, посредством которых этого темпа только и можно было добиться. До горожан ли тут?

Притом что эти самые горожане и должны были помочь справиться с ситуацией. Но, судя по архивным данным, после их прибытия темпы колхозного строительства продолжали снижаться. Документ «*Основные показатели коллективизации по области на 10 апреля 1930 г.*» фиксирует падение уровня коллективизации в Сухиничском округе до 5,2 %¹. Снижение продолжалось до конца апреля, когда процент составил всего 4,4².

Т. е. выходил заколдованный круг: руководству округа и районов под грузом проблем было не до устройства *двадцатипяти тысячников*, а те без нормального пропитания и крыши над головой не могли в решении этих проблем сколько-нибудь эффективно участвовать.

Да и незнание крестьянской жизни таки играло свою негативную роль. Приведем примеры. В «Материалах обследования освоений и помощи рабочим колхозникам и рабочим, посланным на работу в с/с Плохинского района» упоминается Тюрина В. М., которая была поставлена заведовать в районе коноплеводством и не могла решить ни одного повседневного вопроса без консультации с секретарем районного комитета ВКП(б)³. Подобных свидетельств в архивных материалах немало. Вот жалоба колхозницы из коммуны *Красный Октябрь* Плохинского района: «...а тут пригнали председателя колхоза, ещё стало хуже, сам не понимает в сельском хозяйстве ничего, а на работу гонит без разбору, управилась ли ты или не управилась с детьми, а знай, иди на работу, да и только. А, выйдя на работу, бабы между собой ругаются, кто много наработал, а кто и совсем не работает, только время проводит»⁴. В коммуне *10-я годовщина Октября* Юхновского района колхозники высказывались так: «По случаю существующих безобразий никто в колхозы не пойдет, а придется и остальным выходить, так как зарплата неравная, расценки на работу неодинаковые, имеются любимчики». И в колхозе *Трудовик* Устиновского сельсовета ходили примерно такие же разговоры: «Колхоз никак не может утвердиться и к осени развалится, потому что многие перегружены работой, особенно женщины. Мужчины же, наоборот, не дорабатывают, стараются увильнуть от работы...»⁵. Т. е. новые руководители, прибывшие из города, не всегда могли разобраться не только в тонкостях сельского хозяйства, но и в том, как организовать людей на работу, избежав всё тех же произвола и несправедливости. Однако понемногу положение всё же начало выравниваться. К середине мая количество колхозов еще сокращалось, но этот процесс замедлился, составив 4 %. В это время в округе осталось 197 колхозов (напомним, что в конце февраля их было 613!). Потом начался медленный рост, и к исходу июня число коллективных хозяйств увеличилось до 204⁶.

Конечно, проблем оставалось еще очень много. О них мы узнаём из докладной записки начальнику ИНФО ОГПУ Западной области. Там, помимо сведений о количестве коллективных хозяйств в округе, содержится и перечень нерешенных задач. Неумелая организация и распределение труда, отсутствие норм выработки и учета. Слишком редко проводились производственные совещания, слишком слабо велась воспитательная и культурно-просветительная работа. Как итог, округ не справился с посевной. На пятнадцатое июня было засеяно всего 52 гектара яровой ржи и 11 гектаров пшеницы (вместо 89 и 54, положенных по плану)⁷.

¹ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 68. Л. 216.

² ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 68. Л. 176.

³ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 4. Д. 3. Л. 203.

⁴ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 94. Л. 132–143.

⁵ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 94. Л. 53–85.

⁶ ГАКО. Ф. Р. 1926. Оп. 1. Д. 52. Л. 184.

⁷ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 94. Л. 132–143.

Удивляться этому не приходится. Переворот в деревне, задуманный партией, был слишком глобальным и совершиться меньше чем за полгода мог только в горячих головах окружных руководителей. На деле отчетливые сдвиги стали видны только осенью, а по-настоящему серьезные – к февралю 1931 года, то есть уже после упразднения Сухиничского округа, которое произошло 30 июля 1930 года. К началу весны 1931 года темпы коллективизации, например, в Думиничском районе выросли до 7,6 %, а в Юхновском – и вовсе до 22,7 % (в ноябре 1930 года они составляли, соответственно, 3 % и 5,4 %)¹.

Снижалась и острота крестьянских протестов в немалой степени в связи с ужесточением репрессивной политики ОГПУ, в чье ведение перешли расследование и квалификация таких дел. Вместе с тем нельзя не отметить, что охотнее всего крестьяне вступали в колхозы и в целом поддерживали политику партии там, где насилие по отношению к ним допускалось реже. Как это было, например, в Кирейковском сельсовете, где колхозники на собрании дружно решили подписаться на государственный заем *пятилетка в четыре года* в размере половины заработка: *государству нужно помогать в строительстве!*²

Едва ли можно объяснять общее выправление ситуации главным образом новой административно-территориальной реформой, упразднившей округ. Но и недооценивать ее значение, как нам кажется, не стоит. Уменьшение числа бюрократических ступеней в структуре власти, по всей видимости, облегчило взаимодействие работников разных уровней и позитивно повлияло на ход коллективизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Получая из центра указания о порядке и сроках колхозного строительства, окружные и районные партийные руководители всеми силами старались эти сроки превзойти, во что бы то ни стало оказаться в числе первых. Стимулами здесь являлись, видимо, как страх наказания, вполне обоснованный в условиях партийных чисток, так и искренний энтузиазм, вера в правоту своего дела. В конечном счете успех задуманного зависел от низовых исполнителей, которым переложить ответственность было уже не на кого. Умением договариваться, чтобы сделать привлекательной для крестьян непопулярную идею коллективизации, исполнители, как правило, не обладали. В ход шли орудия привычные и проверенные – принуждение и произвол, что, конечно, помогало выдерживать небывалые темпы колхозного строительства, но в итоге приводило к серьезным крестьянским волнениям. Характерно, что в указаниях окружкома не шло речи о насильственных методах привлечения людей в колхозы (во всяком случае, в исследуемых документах такого не обнаружено). Они, как правило, дублировали директивы центра, отличаясь от них только в определении темпов коллективизации. И, стало быть, окружное руководство, получая информацию о крестьянских протестах, могло с чистой совестью обвинять местных исполнителей в неумении работать. *Лица*, виновные в *перегибах*, наказывались. Но ситуация в деревне не оставляла возможности выбора. Коллективизацию следовало провести во что бы то ни стало. Усилия окружного руководства были направлены на то, чтобы, с одной стороны, не допустить крайностей, а с другой – подчас и закрывать на них глаза и при снижении темпов коллективизации додавить, но своего добиться. Привлечение *двадцатипяти тысячников* должно было исправить положение. Но получилось это далеко не сразу, в силу всё той же некомпетентности и ошибок во взаимодействии, когда руководству нужны были от вновь прибывших отличные результаты, а до обеспечения им нормальных условий руки не доходили.

Таким образом, наличие многоступенчатой структуры партийного и советского руководства себя не оправдало. При проведении коллективизации такая структура оказалась не очень эффективной. Стремление окружного руководства к сверхвысоким показателям приводило в итоге к их снижению. Неслучайно темпы колхозного строи-

¹ ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 93. Л. 53-85

² ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1. Д. 93. Л. 58.

тельства начали заметный рост именно после ликвидации большинства округов, в том числе и Сухиничского. Свою роль в успехе коллективизации сыграло, конечно, и то, что за месяцы практики местные исполнители и пришедшие им на помощь рабочие-двадцатипяти тысячники в основном сумели разобраться в своих задачах и найти оптимальные способы их решения.

Список литературы:

1. Баутин, В. М. «Головокружение от успехов». «Добровольная» коллективизация и ее последствия // В. М. Баутин // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2010. – № 5. – С. 3–7. – EDN MVBYSX.
2. Ващенко, И. И. Коллективизация и раскулачивание в Адыгее: общие тенденции и особенности реализации // И. И. Ващенко. – Майкоп: Магарин О.Г., 2021. – 166 с. – ISBN 978-5-91692-870-9. – EDN BQXXST.
3. Иевлева, О. И. Особенности коллективизации сельского хозяйства в Сухиничском округе Западной области в 1930 году // О. И. Иевлева // История: факты и символы. – 2016. – № 1(6). – С. 70–83. – EDN VPQDCH.
4. Иевлева, О. И. Постановка задач и решение вопроса кадрового состава округов и подчиненных им районных органов власти в 1929 г. и начале коллективизации (на примере Сухиничского округа Западной области РСФСР) // О. И. Иевлева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10, № 2-1. – С. 85–92. – DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-2/1-85-91. – EDN XOYWNN.
5. Кабытова, Н. Н. Властные парадигмы российской провинции в 1917 г. // Н.Н. Кабытова // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 211–220. – EDN YQPIUL.
6. Кананерова, Е. Н. Послевоенная коллективизация и «раскулачивание» в советской историографии 1940–1950-х гг. // Е. Н. Кананерова // Исторический журнал: научные исследования. – 2024. – № 6. – С. 261–274. – DOI 10.7256/2454-0609.2024.6.72439. – EDN WELPLH.
7. Кирсанов, Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: взгляд через 90 лет // Н. А. Кирсанов // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2009. – № 6(54). – С. 87–95. – EDN PQHIDP.
8. Кондрашин, В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. – М.: Политическая энциклопедия РОССПЭН, 2024. – 663 с. – ISBN: 978-5-8243-2562-1.
9. Коробейников, А. В. События Восстания по официальной хронике периода Гражданской войны // А. В. Коробейников // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. – 2017. – № S1. – С. 29–90. – EDN ZGWGSH.
10. Лебедев, Д. В. Коллективизация на территории Башкирской АССР // Д. В. Лебедев // Студенческий вестник. – 2023. – № 19-9(258). – С. 26–34. – EDN KUTJQO.
11. Маншеев, Д. М. Коллективизация в Бурятии: поиск эффективной формы // Д.М. Маншеев // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2023. – № 4(40). – С. 23–28. – DOI 10.52782/KRIL.2023.4.40.003. – EDN FLVJWX.
12. Рыбаков, П. А. Коллективизация и раскулачивание в Тульском регионе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // П. А. Рыбаков // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2019. – № 2. – С. 57–66. – EDN TIWWDI.
13. Самойлов, В. Д. Социальное развитие государства в условиях политических, экономических и военных угроз // В. Д. Самойлов // Карбышевские чтения. Современный мир глобальных трансформаций: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Тюмень, 13–15 ноября 2024 года. – Тюмень: Тюменское высшее военно-инженерное командное училище, 2024. – С. 302–309. – EDN URNUYI.
14. Тимаралиева, А. В. Коллективизация и раскулачивание в Чечне в 1920–1930-е гг. // А. В. Тимаралиева // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 8. – С. 45–54. – DOI 10.25136/2409-868X.2021.8.35343. – EDN KYSOZS.
15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939.

Документы и материалы: В 5 томах. Том 3. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2001. – 1008 с. – ISBN 5-8243-0006-2. – EDN UAQFKD.

16. Филатов, В. В. 25-тысячники в уральской деревне / В. В. Филатов // *Летопись уральских деревень: Тезисы докладов региональной научно-практической конференции, Екатеринбург, 01 января 1995 года / Уральская государственная сельскохозяйственная академия; Научно-методический центр по туризму и краеведению объединения Дворец молодежи Департамента образования Свердловской области.* – Екатеринбург: Уральская государственная сельскохозяйственная академия, 1995. – С. 134–136. – EDN VQCOLZ.

17. Черепанов, Р. А. Коллективизация на территории Тарского района. Начало строительства колхозов / Р. А. Черепанов // *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы.* – 2023. – № S7(55). – С. 1–4. – EDN XBDYTL.

18. Штефан, М. Ошибочный путь коллективизации по-сталински. Разрушительные силы и паралич собственной инициативы / М. Штефан // *Альтернативы.* – 2020. – № 1. – С. 91–115. – EDN ACSZDM.

19. Яхновская, С. Устарел наш колхозный Устав / С. Яхновская // *Родина.* – 2015. – № 4. – С. 121–123. – EDN UABSXH.

20. Merl, S. Rules of political communication in the pre-war Soviet countryside / S. Merl // *RUDN Journal of Sociology.* – 2017. – Vol. 17, No. 2. – P. 192–201. – DOI 10.22363/2313-2272-2017-17-2-192-201. – EDN YKORPT.

Сведения об авторах:

ИЕВЛЕВА Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Калужский филиал, адрес: 248021, Россия, г. Калуга, ул. Окружная, д. 4, корп. 3, e-mail: ievleva@klg.ranepa.ru

SPIN-код: 4781-1330, AuthorID: 872679

ORCID <https://orcid.org/0009-0003-1434-9529>

МАЙОРОВА Наталья Олеговна, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Калужский филиал, адрес: 248021, Россия, г. Калуга, ул. Окружная, д. 4, корп. 3, e-mail: mayorova-no@ranepa.ru

SPIN-код: 7064-3495, AuthorID: 373949

ORCID <https://orcid.org/0009-0001-3517-1307>

Reference:

1. Bautin, V. M. (2010) «Dizzy with Success». «Voluntary» Collectivization and Its Consequences. *News of the Timiryazev Agricultural Academy.* no. 5. pp. 3-7. (In Russ.). EDN MVBYSX.

2. Vashchenko, I. I. (2021) Collectivization and Dispossession in Adygea: General Trends and Implementation Features. *Maykop: Magarin O.G.* ISBN 978-5-91692-870-9. (In Russ.). EDN BQXXST.

3. Ievleva, O. I. (2016) Features of the Collectivization of Agriculture in the Sukhinichsky District of the Western Region in 1930. *History: Facts and Symbols.* 2016. no. 1(6). pp. 70-83. (In Russ.). EDN VPQDCH.

4. Ievleva, O. I. (2018) Setting Goals and Addressing the Question of the Staffing of Districts and Their Subordinate Regional Authorities in 1929 and the Beginning of Collectivization (for Example Sukhinichi District of Western Region of the RSFSR). *Historical and socio-educational thought.* Vol. 10, no. 2-1. pp. 85-92. DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-2/1-85-91. (In Russ.). EDN XOVVNN.

5. Kabytova, N. N. (2017) Paradigms of Power in the Russian Periphery in 1917. *Archivist's Bulletin.* no. 2. pp. 211-220. (In Russ.). EDN YQPIUL.

6. Kananerova, E. N. (2024) Post-war Collectivization and «Dispossession» in the Soviet Historiography of the 1940s and 1950s. *Historical Journal: Scientific Research*. no. 6. pp. 261-274. DOI 10.7256/2454-0609.2024.6.72439. (In Russ.). EDN WELPLH.
7. Kirsanov, N. A. (2009) Collectivization of Agriculture in the USSR: Looking back in 90 Years. *Land Management, Cadastre and Land Monitoring*. no. 6 (54). pp. 87-95. (In Russ.). EDN PQHIDP.
8. Kondrashin, V. V. (2024) *The Russian Village in the Conditions of Industrial Modernization*. Moscow: ROSSPEN. ISBN: 978-5-8243-2562-1. (In Russ.).
9. Korobeynikov, A. V. (2017) Events of the Uprising According to the Official Chronicle of the Civil War Period. *Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction*. no. S1. pp. 29-90. (In Russ.). EDN ZGWGSH.
10. Lebedev, D. V. (2023) Collectivization on the territory of the Bashkir ASSR. *Student Bulletin*. no. 19-9 (258). pp. 26-34. (In Russ.). EDN KUTJQO.
11. Mansheev, D. M. (2023) Collectivization in Buryatia: Search for an Effective Form. *Scientific Review of Sayano-Altai*. no. 4 (40). pp. 23-28. DOI 10.52782/KRIL.2023.4.40.003. (In Russ.). EDN FLVJWX.
12. Rybakov, P. A. (2019) Collectivization and Dekulakization in Tula Region in the Late 1920's - Early 1930's. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. no. 2. pp. 57-66. (In Russ.). EDN TIIWDI.
13. Samoilov, V. D. (2024) Social Development of the State in the Conditions of Political, Economic and Military Threats. *Karbyshev readings. The modern world of global transformations: Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference, Tyumen, November 13-15, 2024*. Tyumen: Tyumen Higher Military Engineering Command School. pp. 302-309. (In Russ.). EDN URNUYI.
14. Timaraliev, A. V. (2021) Collectivization and Dekulakization in Chechnya in the 1920s-1930s. *Genesis: Historical Research*. no.8. pp. 45-54. DOI 10.25136/2409-868X.2021.8.35343. (In Russ.). EDN KYSOZS.
15. *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927-1939. Documents and Materials: In 5 Volumes. Vol. 3*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2001. ISBN 5-8243-0006-2. (In Russ.). EDN UAQFKD.
16. Filatov, V. V. (1995) *25-thousanders in the Ural village*. Chronicle of the Ural villages: Abstracts of reports of the regional scientific and practical conference, Yekaterinburg: Ural State Agricultural Academy. pp.134-136. (In Russ.). EDN VQCOLZ.
17. Cherepanov, R. A. (2023) Collectivization in the Tarsky District. The Beginning of the Construction of Collective Farms / R. A. Cherepanov // *Russian Science and Education Today: Problems and Prospects*. no. S7 (55). pp. 1-4. (In Russ.). EDN XBDYTL.
18. Stephan, M. (2020) The Wrong Way of Collectivization in the Stalinist Way. *Destructive Forces and Paralysis of One's Own Initiative. Alternatives*. no. 1. pp. 91-115. (In Russ.). EDN ACSZDM.
19. Yakhnovskaya, S. (2015) Our Kolkhoz Charter is Outdated. *Rodina*. no. 4. pp. 121-123. (In Russ.). EDN UABSXH.
20. Merl, S. Rules of Political Communication in the Pre-war Soviet. *RUDN Journal of Sociology*. 2017. Vol. 17, no. 2. pp. 192-201. DOI 10.22363/2313-2272-2017-17-2-192-201 (In Engl.). EDN YKORPT.

Author:

IEVLEVA Olga Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaluga Branch, address: 2484 Okruzhnaya St., building 3, Kaluga, 248021, Russian Federation, e-mail: ievleva@klg.ranepa.ru

 SPIN-код: 4781-1330, AuthorID: 872679

 ORCID <https://orcid.org/0009-0003-1434-9529>

MAYOROVA Natalia Olegovna, Candidate of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaluga Branch, address: 2484 Okruzhnaya St., building 3, Kaluga, 248021, Russian Federation, e-mail: mayorova-no@ranepa.ru

✉ SPIN-код: 7064-3495, AuthorID: 373949

ORCID <https://orcid.org/0009-0001-3517-1307>

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

© Иевлева О. И., Майорова Н. О., 2026

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>